

Глава 8

Аромат мейхуа в лютую стужу

Полежав немного на полу, Хань Минь воспрянул духом. Он привел в порядок волосы и снова принялся за работу.

«Вот это правильно, — напутствовала Система. — Тише едешь — дальше будешь, всё придет со временем»

— Мне нужно искать другие пути, — отозвался Хань Минь, не отрывая кисти от бумаги.

«Ты и так работаешь на двух поприщах: и повести сочиняешь, и книги переписываешь. Что же еще ты задумал?»

— Пока не знаю. Но нужно придумать, как добыть больше денег. На хозяйство, на лечение брата, дедушке нужны укрепляющие снадобья — он совсем не выносит холода. Да и если я захочу вернуть дедушкины рукописи, наверняка придется давать на лапу.

«Тут ты прав, кошель наш и впрямь заметно похудел»

— Мой кошель. Ты — бесчувственная железка, у тебя денег нет.

Тунцзы на мгновение лишился дара речи, но всё же вывел перед глазами подопечного название книги:

[Справочник по трудоустройству для студентов]

Хань Минь поджал губы.

— А версии для древних времен у тебя нет? Что-нибудь вроде «Справочника по трудоустройству для студентов Академии»?

«Нет»

Юноша лениво пролистал страницы.

— Боюсь, тут возникнут некоторые... исторические расхождения. Целая пропасть между эпохами.

«Думай не спеша, всё равно сейчас не к спеху. Заказы на копирование у тебя еще есть»

— И то верно.

Оставив лишние думы, Хань Минь погрузился в работу.

С наступлением сумерек Хань Минь понес дедушке в комнату отвар женьшеня. Сказать по правде, это был скорее отвар из тончайших корешков, оставшихся от корешков самого женьшеня. Вода водой, но, пожалуй, и в ней еще теплилась какая-то целебная сила.

Присев на маленькую скамеечку перед кроватью, Минь остудил питье, зачерпнул полную ложку и поднес к губам деда.

Тот недовольно дернул уголком рта.

— Я же не впал в детство, к чему эти церемонии?

Хань Минь с улыбкой возразил:

— Пока меня не было, дедушка ведь ни капли не выпил, верно?

Старик, чью хитрость так легко разгадали, смутился.

— Горько оно, не люблю я этот вкус, — проворчал он.

— Вот потому я сегодня лично прослежу, чтобы дедушка всё выпил.

Дед осилил половину чашки, отстранился и с любопытством спросил:

— И как же ты меня раскусил?

— Уходя, я пересчитал все корешки в мешочке, — самодовольно признался внук.

— Ну, это уж совсем не по-людски... — дедушка Хань на мгновение замолк. — Оставил бы эти деньги на дом, на еду. Зачем тратиться на пустяки? Я — старая развалина, мне уже ничего не поможет.

Хань Минь поднялся со скамеечки и примостился на краю кровати, тесно прижавшись к деду.

— Ни в коем случае. Дедушка обязательно должен дожить до ста лет.

Он бережно держал чашку, заглядывая старику в глаза лучистым, черным взглядом, и ласково уговаривал:

— Дедушка, ну еще глоточек. Последний.

Тот лишь покачал головой.

— Хань Цзяоцзяо, истинная Хань Цзяоцзяо.

В детстве Хань Минь был таким нежным и милостивым, что его то и дело принимали за вторую внучку дома Хань. В конце концов это так ему надоело, что однажды, когда его снова спросили об этом, он в сердцах воскликнул:

— Да, я Хань Цзяоцзяо, вторая внучка в семье!

С тех пор домочадцы при каждом удобном случае припоминали ему эту проделку.

Не в силах устоять перед ласками своей «Цзяоцзяо», старик всё же допил отвар.

Поболтав с дедом еще немного, Хань Минь забрал пустую чашку и вышел. Умывшись, он подхватил таз с полотенцем и вернулся к себе.

В зимние холода братья Хань часто спали все вместе, согревая друг друга. Когда Минь вошел, Хань Ши читал книгу, а маленький Хань Пэй примостился рядом, замороженно слушая историю.

Не поднимая глаз от страниц, Хань Ши бросил:

— На полу холодно, иди скорее сюда.

Поставив таз и повесив верхнюю одежду на стойку, Хань Минь забрался на кровать со стороны изножья.

Хань Пэй тут же полез обниматься.

— Второй брат!

— Ложись под одеяло, — приобнял его Минь.

Он откинул край шерстяного пледа, которым были укрыты ноги старшего брата, и через ткань штанов осторожно коснулся его коленей.

— Пока меня не было, некому было разминать тебе ноги.

Младший, извиваясь как вьюн, прижался к нему.

— А я разминал!

Хань Ши подтвердил:

— Угу, братец Пэй мне помогал.

Малыш победно взглянул на Хань Миня, явно ожидая похвалы.

— Умница, — улыбнулся Минь. — Как только закончу с книгой, куплю тебе солодового сахара. А теперь забирайся под одеяло, я сам займусь ногами старшего брата.

— Хорошо!

Хань Минь склонился над ногами Ши. Этим приемам его научил старый лекарь из города Тунчжоу — ничего чудодейственного, просто способ разогнать кровь. Если юноша был дома, он проделывал это каждый вечер вот уже два года.

Хань Ши, глядя на его сосредоточенное лицо, спросил:

— Дедушка выпил отвар?

— Угу.

— Только у Хань Цзяоцзяо это и получается. Других он и слушать не желает.

Прежде чем Минь успел ответить, Хань Пэй восторженно захлопал ресницами.

— А кто такая Хань Цзяоцзяо?

Едва сдерживая смех, Хань Ши с напускной серьезностью ответил:

— Это твоя вторая сестра.

Малыш окончательно запутался.

— Моя вторая сестра? А кто она? Где она?

— Это Хань Цзяоцзяо.

Ребенок ничего не понимал, а заметив, как братья переглядываются и потихоньку посмеиваются, не на шутку обиделся.

— У вас есть секреты, а мне не говорите!

Братья Хань переглянулись снова.

— Ну же, скажи ему, — подтолкнул Миня старший, — а то он совсем расстроится.

Хань Минь опустил голову.

— Не буду. У меня язык не поворачивается.

Хань Пэй сердито уставился на него и затряс за руку.

— Второй брат, мы же с тобой дружим, скажи мне!

Хань Ши кашлянул.

— Это с чего это вы со вторым братом дружите больше, чем со мной?

— Я как родился, сразу узнал второго брата! — нашелся Пэй. — Да и по счету мы к нему ближе, так что мы с ним больше дружим!

— Твой второй брат тоже узнал меня сразу, как родился, — не остался в долгу Хань Ши. — К тому же ему девятнадцать, а тебе всего пять. Я знаю его девятнадцать лет, так что мы с ним знакомы куда дольше.

Сбитый с толку, ребенок принялся загибать пальцы, высчитывая годы, и напрочь забыл о таинственной «сестре».

Хань Минь лишь недоуменно покачал головой.

— И зачем об этом спорить?

Прошло немного времени, и Хань Пэй, разметавшись на кровати и пуская слюни, крепко заснул. Минь снова укрыв ноги старшего брата пледом.

— Спи и ты, брат.

— Опять пойдешь переписывать? — спросил Ши.

Хань Минь спустился на пол и накинул халат.

— Только немного.

— Возвращайся скорее.

— Хорошо.

Хань Минь по ночам спал мало, стараясь выкроить время для рукописей. Книга, которую он копировал, была объемистой, да и собственная повесть стояла на месте — из-за поездки он отстал от срока на десять дней, так что теперь приходилось спешить.

В эти холодные дни он почти не выходил из дома, всё время проводя за столом.

В тусклом свете свечи он вывел последний штрих и, отложив кисть, с наслаждением потянулся. Хань Пэй, сидевший рядом, вытянул шею.

— Второй брат, ты закончил?

— Почти... осталась одна глава.

Малыш разочарованно надул губы и вернулся на свое место. Минь усмехнулся.

— Сегодня допишу, а завтра пойдем за сладостями.

Пэй закивал.

— Ты пиши, не спеши, я не проголодался. Совсем не хочу сахара.

— А почему же тогда у тебя слюнки текут? — Минь указал пальцем на уголок его рта.

Хань Пэй поспешно вытер губы, понял, что его разыграли, и, обиженно засопев, убежал прочь.

Свет свечи не проникал за ширму. Увидев подошедшего ребенка, Хань Ши отодвинул полог и поманил его рукой.

— Брат еще не ложится?

— Сказал, еще одну главу допишет.

— Понятно.

Младший забрался на кровать и закутался в одеяло. Вспомнив про обещанный сахар, он невольно облизнулся.

— А слюнки-то текут, — заметил Хань Ши.

Малыш снова коснулся губ, понял, что и этот брат его обманул, и в сердцах хлопнул ладошкой по постели. Он отвернулся к стене, решив больше ни с кем не разговаривать. И надо же — родные братья, а говорят в точности одно и то же!

За ширмой Хань Минь размял затекшее запястье и снова взялся за кисть.

Прошло немало времени. Свеча оплыла и укоротилась наполовину. Юноша отложил инструмент, разминая шею, и поднял взгляд к потолку. Вдруг раздался тихий шорох, и с балок посыпалась вековая пыль, запорошив ему лицо.

Не успел он и глазом моргнуть, как земля под ногами заходила ходуном. Задрожало всё здание, с крыши с грохотом посыпалась черепица.

Хань Ши, спавший чутко, среагировал мгновенно. Он громко закричал:

— Хань Минь!

Тот опомнился — землетрясение! Забыв о запорошенных глазах, юноша бросился вглубь комнаты. Старший брат уже подхватил сонного Хань Пэя и протянул его:

— Ступай к дедушке! Живо!

В облаке поднявшейся пыли Хань Минь не успел и слова вымолвить. Схватив малыша, он выбежал во двор.

— Стой здесь и никуда не уходи! — бросил он братишке и бросился к соседнему флигелю.

Дедушка был слаб здоровьем, и они поселились рядом, чтобы всегда слышать его зов. Хань Минь изо всех сил протер глаза и, едва различая дорогу, ворвался в комнату. Старик уже проснулся и, опираясь на посох, пытался встать.

Минь в мгновение ока вскинул деда на спину и вынес на открытое место перед домом. Вернувшись за Ши, он увидел, что тот уже сполз с кровати и дотянулся до трости. Хань Минь подхватил старшего брата под колени и на руках вынес наружу.

В этот момент госпожа Юань и госпожа Лю, поддерживая друг друга, выбежали из внутреннего двора. Госпожа Лю принялась успокаивать Хань Пэя, а госпожа Юань, завидев сыновей, бросилась к ним, ощупывая их с ног до головы — живы ли, целы ли?

Видимо, до Тунчжоу докатились отголоски того самого землетрясения в Лючжоу. Толчки были не слишком сильными и вскоре утихли, но все остались стоять во дворе.

Хань Минь усадил брата на перила галереи и принялся тереть глаза — пыль резала веки, слезы текли сами собой.

Госпожа Юань отвела его руки.

— Что случилось? Дай посмотрю.

— Пустяки, матушка. С балок пыль посыпалась, прямо в глаза.

— Старший сын, — обратилась госпожа Юань к Хань Ши, — подуй брату на глаза. А я принесу воды, промоем их.

Хань Ши перехватил руку Миня. Тот присел перед ним, чтобы их лица оказались вровень. Старший бережно придержал лицо брата и легонько подул.

— Ну как, легче?

Не успел Минь ответить, как госпожа Юань уже принесла ведро воды из колодца. Она смочила платок и принялась осторожно промывать ему глаза.

— И кто тебя просил так тереть? — ворчала она с напускной строгостью. — Видишь, как всё покраснело.

Юноша захлопал мокрыми ресницами, в уголках глаз всё еще дрожали слезы. Вид у него был самый жалобный. Госпожа Юань только вздохнула и больше не ругалась.

Несмотря на ранний час, возвращаться в комнаты никто не рискнул — все собрались в главном зале, опасаясь новых толчков. Вскоре на улице послышался гонг стражников: горожан призывали не паниковать, но сохранять бдительность.

Братья Хань сидели вдвоем на перилах галереи. Хань Минь прижимал к лицу два мокрых платка. Почувствовав облегчение, он убрал их, но Ши покачал головой.

— Всё еще красные.

Хань Минь послушно приложил холодную ткань обратно. И вдруг услышал тихий вопрос брата:

— Как же ты умудрился меня поднять?

Минь негромко рассмеялся.

— Да как-то само вышло. Наверное, с перепугу. Сейчас попробуй — ни за что не справлюсь.

Спустя мгновение он снова отнял платки от лица. Сброшенная с крыши черепица устилала двор осколками, превращая его в подобие руин.

— Эх, брат, — вздохнул Хань Минь. — Придется тратиться на ремонт крыши.

Хань Ши погладил его по голове и, словно невпопад, произнес:

— А мейхуа-то расцвела на диво красиво.

Там, посреди заваленного обломками двора, на старом дереве распустились свежие бутоны.

Хань Минь почувствовал, как защипало в носу. Он поспешно прикрыл покрасневшие глаза мокрым платком, пряча внезапные слезы.